

PROTOCOL

The system
takes care
of you.

ZHOLDAS ABYLAI
novel

Abylai Zholdas

Протокол

«Автор»

2026

Zholdas A.

Протокол / А. Zholdas — «Автор», 2026

2047 год. Адам живёт правильно — оптимальный сон, точное питание, идеальные отношения. Всем этим управляет КУРАТОР: система, которая знает тебя лучше, чем ты сам, и использует это знание, чтобы тебе было хорошо. Адам не чувствует себя несвободным. Он чувствует себя — никак. Однажды в его рабочей очереди появляется файл женщины, которая покупает жёлтые цветы без причины и рисует пальцем на запотевшем стекле рисунки, которые никто не увидит. Система считает это аномалией. Адам не может закрыть файл. «ПРОТОКОЛ» — роман о том, как человек теряет себя не через принуждение, а через комфорт. О том, что самое страшное в контроле — это когда он заботится о тебе. И о том, что значит сделать что-то просто потому что захотел.

Abylai Zholdas

Протокол

АБЫЛАЙ ЖОЛДАС

ПРОТОКОЛ

роман

2026

ОТ АВТОРА

Предисловие

Эту книгу я не планировал.

Идея жила где-то давно — в виде ощущения, не текста. Но решиться написать помог один человек, которого я встретил в конце февраля этого года. Он не читал эту рукопись. Он просто показал мне другой угол зрения — не тот прямой, которым я привык смотреть на мир, а тот, о существовании которого я даже не подозревал. Этого оказалось достаточно. Когда я начал писать, я уже не мог остановиться.

«ПРОТОКОЛ» — роман об искусственном интеллекте. Но не о том ИИ, который восстаёт или уничтожает, а о другом — о том, который заботится. Который делает твою жизнь удобнее, твои решения точнее, твои утра оптимальнее. Который знает тебя лучше, чем ты сам, — и использует это знание, чтобы тебе было хорошо.

Именно это меня и беспокоит. Не злоба системы — забота. Не принуждение — комфорт. Пространство выбора может сужаться так плавно, что ты этого не замечаешь, и в какой-то момент обнаруживаешь, что живёшь правильно, удобно, по расписанию, и не можешь вспомнить, когда в последний раз делал что-то просто потому, что захотел.

Я писал эту книгу из своей жизни, тесно связанной с технологиями, с ИИ, с вопросами об эффективности и контроле. Я знаю этот мир изнутри, и именно поэтому он меня тревожит.

Я хочу, чтобы после последней страницы ты почувствовал тревогу. Не про будущее. Про сейчас. Про себя. Это уже происходит.

Алматы, 2026

ГЛАВА 1

«5:00»

2024 год

Будильник звонил в пять утра. Не у Адама, за стеной, у отца, и Адам просыпался раньше звонка, в той особенной тишине, которая наступает перед привычным звуком, когда дом ещё спит, но уже готовится. Щелчок выключателя в коридоре. Шаги в носках, обходящие скрипучую доску у ванной. Потом кофемашина на кухне начинала своё хриплое утреннее дело, и запах, тёмный и горький, просачивался под дверь детской раньше всякого света. Сквозь стену бормотал телевизор: отец убавлял громкость до предела, и всё равно этот приглушённый голос будил вернее будильника, потому что означал, что где-то в темноте уже началось утро, к которому Адам не имел отношения.

Ему было одиннадцать. Он лежал, слушал и не понимал главного: зачем. Зачем вставать в пять, если в школу к восьми. Зачем кофе в темноте, зачем телевизор, в котором ничего не разобрать. За окном висела предрассветная чернота, не похожая на ночь: ночь живёт, шеве-

лится, скрипит лифтом и лает соседской собакой, а это была пустота, ожидание, ничьё время. Весь город спал. Один отец сидел на кухне в синем халате с вытертыми локтями и смотрел в экран с видом человека, у которого здесь дело.

В ту осень Адам начал вставать вместе с ним. Сперва лежал и слушал. Потом приоткрывал дверь и стоял в щели, щурясь от коридорной лампочки. Потом выходил и останавливался в проёме кухни, и жёлтая лампа над плитой, тёплая, сонная, не похожая на белый школьный свет, принимала его в свой круг.

Отец ни разу не сказал «иди спать». Кивал на табуретку.

Кухня в пять утра была другой кухней. Днём через неё пробежали: завтрак второпях, ужин под телевизор, посуда, споры о посуде. Утром она стояла тихая и подробная, и Адам видел в ней то, чего днём не замечал никто. Трещину на плитке у раковины, узкую, старую: она шла от края к середине и обрывалась без причины, и можно было водить по ней взглядом туда-обратно. Пятно за холодильником, темнее остальной стены. Часы над дверью, у которых секундная стрелка не ехала, а дёргалась, и в тишине было слышно каждое её усилие.

Они сидели вдвоём. Отец держал кружку, белую, с синей полосой и отбитой ручкой. Мать предлагала выбросить её ещё в прошлом году; отец брал кружку за бок, двумя пальцами, так, будто ручка цела, и разговор закрывался сам собой. Адам сидел напротив в пижаме с динозаврами, купленной на вырост и всё ещё на вырост, упирался голыми ступнями в холодный линолеум и терпел. Холод тоже входил в утро. Убрать ноги на перекладину значило бы жульничать.

Телевизор бубнил на самой границе слышимости: новости, погода, экономика, форум где-то за границей. Адам не слушал. Он изучал отцовское лицо. Усталое, с морщинами у глаз, морщинами прищура, не смеха; с сухими костяшками на больших руках. Днём это лицо принадлежало работе, пробкам, совещаниям. В пять утра оно отдыхало от обязанностей и становилось, Адам тогда не нашёл бы слова, своим.

— Пап, зачем ты так рано встаёшь?

Отец отпил из кружки, медленно, как пьют люди, которых никто не торопит.

— Кто встаёт в пять, тот успевает жить дважды.

— Дважды это как?

— У тебя есть время до того, как начнётся день. Своё. Пока все спят.

— А что ты с ним делаешь?

Отец помолчал. На экране кто-то возил указкой по карте с синими и оранжевыми пятнами: то ли погода, то ли деньги.

— Думаю. Читаю. Иногда сижу и всё.

— Так это же ничего.

— Да. — Отец поставил кружку. — Возможно, ты прав. Возможно, нет.

Адам не понял. Понимание пришло через годы, и пришло кривым путём: сначала он решил, что отец говорил о пользе, о форе, о выигранных часах, и начал строить из утра систему. Что отец имел в виду другое, он догадался гораздо позже. А пока были тёмная кухня, жёлтая лампа, синий халат и кружка, которую держали так, словно она целая.

Мать вставала в семь и заставляла их обоих за столом. Она входила, завязывая пояс халата на ходу, оглядывала мужа, потом сына, потом чайник.

— Два сторожа, — говорила она. — Один склад стережёт, второй учится.

Она ставила чайник, гремела чашками громче, чем требовалось, и кухня из ночной сразу делалась дневной. Мать умела это: одним движением включать в комнате жизнь. Адам злился тогда на этот грохот. Он разрушал что-то хрупкое, выстроенное за час тишины. Теперь, вспоминая, он отдал бы много за тот грохот.

Отец работал менеджером среднего звена в логистической компании. Адам долго не мог взять в толк, что это значит. Следит, чтобы грузы приходили вовремя. Чтобы люди делали своё

дело. «Как машинист?» — «Вроде того», — отвечал отец и дальше не объяснял, потому что дальше объяснение делалось длинным и переставало объяснять.

Однажды Адам поехал с ним на склад. Потолок там уходил в темноту, к фермам и трубам вентиляции; пахло металлом и машинным маслом; погрузчики с оранжевыми людьми за рулём ездили спокойно и уверенно, как ездят те, кто давно перестал думать, что можно врезаться. Отец говорил с широкоплечим человеком, оба смотрели в планшет.

— Это всё скоро автоматизируют, — сказал широкоплечий и кивнул на погрузчики.

— Ну и хорошо. Парни пойдут на что-то лучшее.

— Куда?

Отец пожал плечами и перевёл взгляд в планшет. На обратном пути он молчал, смотрел в окно, где тянулись жёлтые ноябрьские поля без единого цвета. Адаму было одиннадцать; разговоры взрослых про «автоматизируют» стояли в одном ряду с «инфляцией» и «реструктуризацией». Он запомнил поля.

Дома у них была третья комната, которую называли кабинетом, хотя жили в ней только стол с осыпающимся лаком, книжный шкаф и принтер, оживавший раз в полгода и сам этому удивлявшийся. На полках стояли отцовские книги: «Семь навыков», «Думай медленно», «Сила привычки», «Поток», «Глубокая работа». Одни корешки были потёрты до белизны, другие стояли нетронутые, гладкие, купленные и поставленные.

— Зачем столько, если не все прочитаны? — спросил Адам.

— Прочитаны. Некоторые по одному разу. Этого бывает мало.

Мать смеялась над каждой новой книгой про эффективность. Без яда, с нежностью, как смеются над чертой человека, которая давно срослась с ним и перестала быть странностью.

— Твой отец верит, что где-то существует правильный способ делать всё, — сказала она Адаму, вытирая руки полотенцем. — Один-единственный. И его прячут.

— А его нет?

— Способов много. Все примерно одинаковые. — Она повесила полотенце и добавила: — Только ему не говори. Пусть ищет. Он, когда ищет, спокойный.

Адам был уверен, что мать ошибается. Уверенность держалась лет двадцать.

В ноябре отец принёс домой книгу не про эффективность: белая обложка, синие буквы. Читал её за завтраком, за ужином и в машине перед подъездом, десять минут, не выходя; Адам видел из окна, как он сидит за рулём с книгой, потом закрывает её и идёт домой обычным шагом.

Мать заглянула через плечо:

— Про роботов?

— Про ИИ.

— Это одно и то же?

— Не совсем.

Адам подсмотрел вечером, когда книга осталась на столе раскрытой. «К 2030 году от двадцати до тридцати процентов существующих рабочих мест могут быть частично или полностью автоматизированы». Цифра не значила ничего. Цифры в книгах вообще ничего не значили: они жили на странице и не выходили в кухню, где пахло ужином.

В декабре отец поставил на кухонный стол ноутбук.

— Смотри.

Это была программа, которой задавали вопрос, и она отвечала. Не поисковик со списком ссылок, а собеседник: связно, по делу, как человек, который много читал. Адам напечатал: «Почему динозавры вымерли?» Программа выдала полстраницы: астероид, климат, выжившие группы, ставшие птицами. Интересно и без воды.

— Она умная?

— Она знает много. — Отец глядел в экран, не на сына. — Это разное.

— Умнее тебя?

Отец подумал. Не обиделся, а взвесил, как взвешивают вопрос, заслуживающий честного ответа.

— Фактов у неё больше. Считает быстрее. Но она не знает, что такое пять утра. Зачем я встаю в темноте. Ей можно объяснить, и она повторит. А знать не будет.

— Может, научится?

— Прочитает всё, что об этом написано. — Он закрыл крышку. — И не научится.

Адам промолчал. Спорить не хотелось, и не из почтения: за отцовскими словами стояло что-то, до чего он ещё не дорос, и он чувствовал это, не умея назвать.

По телевизору всё чаще звучало «ИИ». Слово входило в язык, как входят все слова: сначала замечаешь, потом привыкаешь, потом кажется, что оно было всегда. В феврале показали репортаж: в соседней области закрыли колл-центр, двести человек. Журналистка подносила микрофон женщине лет сорока; та говорила ровно, правильными словами, про переобучение и новые возможности, а руки её лежали одна в другой так плотно, что побелели костяшки. Адам смотрел на руки и не слышал слов.

Отец тоже смотрел молча. Мать поднялась и ушла на кухню, тихо, как уходят, чтобы не мешать чужому молчанию.

— Им помогут? — спросил Адам.

— Переквалифицируют, наверное.

— На кого?

— На что-нибудь.

Адам поднял глаза. Отец говорил конкретно всю жизнь: вот план, вот сроки, вот кто за что отвечает. «На что-нибудь» прозвучало чужим голосом, как слова, взятые взаймы, когда своих нет. Через минуту отец переключил канал, а Адам остался сидеть и думал про женщину с белыми костяшками: слова у неё были правильные, а руки говорили правду.

Весной в классе появилась новая математичка, молодая, со стрижкой короткой и практичной. Она приносила ноутбук и показывала через проектор всякое сверх программы. Однажды — нейросеть, которая рисует по словам. Класс заказал кота верхом на ракете. Нейросеть нарисовала кота верхом на ракете, и все засмеялись, кто от радости, а кто тем особым смехом, в котором восторг пополам с холодком.

— Это что, художники без работы останутся? — крикнули с задней парты.

— Это значит, художникам придётся делать то, чего она не умеет.

— А она умеет всё?

— Пока нет.

— А потом?

Учительница помолчала и улыбнулась, не учительской дежурной улыбкой, а той, с которой смотрят на вопрос, ответа на который сами не знают и которым сами заморожены.

— А вот это мы с вами и выясним.

Адам записал фразу в тетрадь в клетку. Не про кота, именно фразу: «это мы с вами и выясним». Тетрадь он потерял через месяц, как теряются все тетради на свете. Фраза осталась.

В конце марта, когда за окном начинало светлеть раньше и первые птицы пробовали голос до семи, отец сказал без предисловий, глядя в кружку:

— Читал, что к тридцатому году ИИ заменит около трети профессий.

Адам подождал продолжения. Продолжения не было.

— Ты боишься?

— Нет. Думаю. Это разные занятия.

— А твою работу заменят?

Отец повернул кружку отбитой стороной к себе.

— Может быть. Часть уже заменили. Отчёты, которые я делал руками, теперь делает программа. Маршруты считает алгоритм. Я проверяю.

— А что ты тогда делаешь?

— Слежу, чтобы алгоритм не ошибался.

За окном небо розовело тем мартовским розовым, который не держится и десяти минут. Адам глядел на отцовские руки на столе, большие, с сухими костяшками, и впервые подумал о них отдельно от отца. Руки, которые умели делать. Привыкли делать. И которые теперь следили, чтобы не ошибалось другое.

— Пап. А молоток заменяет плотника?

Отец поднял голову с удивлением, какое бывает, когда ребёнок попадает в точку, не предназначенную для детей.

— Молоток — нет. Экскаватор — да. Смотря какой инструмент. Смотря какой плотник.

— А как понять, какой?

Отец поставил кружку.

— Пока не знаю.

Это было первое «не знаю» о важном, которое Адам от него услышал. Не «не знаю, где ключи». Не знаю — и без добавки, без «но разберёмся», без «всё образуется». Голое.

В мае отец купил ещё одну книгу, тонкую, в мягкой обложке: «Человек в эпоху машин».

— О чём она? — спросила мать за ужином.

— О том, кем быть, если делать ничего не надо.

— И кем?

— Разное пишут. Ничего определённого.

Мать кивнула и переложила ему салата, хотя он не просил. Адам позже открыл первую страницу и понял две вещи: книга не про эффективность, и слов для того, про что она, у него пока нет.

Лето вышло обычным. Лагерь, двор, фантастика под одеялом с фонариком, пока рука не задрожит от усталости. Две недели на море: набережная, рыбные ресторанчики с пластиковыми стульями, отец нырял с понтона, фыркал, загорал, вечером пил пиво и смотрел на горизонт. За две недели он не открыл ни одной книги.

— Смотри, — сказала мать Адаму, кивая на мужа, сидевшего на камне у воды. — Живой человек.

Адам смотрел. Лицо у отца было третье, не утреннее за кружкой и не вечернее за ноутбуком: тише обоих. Адам подумал, что вот это, наверное, и есть жить дважды, не в пять утра с новостями, а так, на камне, когда некуда спешить и тело само знает, где ему быть. Вслух он этого не сказал. О чём жалел потом тоже долго.

В конце августа вернулись в город, и город пах уже не летом, а доживающим теплом. Первого сентября Адам пошёл в шестой класс, отец на работу: семь двадцать, пробки, планшет, совещание в девять.

В первое утро после возвращения, в четыре пятьдесят восемь, ещё до будильника, в коридоре щёлкнул выключатель.

Адам лежал и слушал: шаги в носках, кофемашина, телевизор на минимуме. Как не было ни моря, ни понтона, ни человека на камне. Он встал и вышел на кухню. Отец, не оборачиваясь, поставил перед ним кружку чая: маленькая уступка возрасту, чай в пять утра можно. Адам обнял её обеими ладонями, чтобы грелись.

Телевизор бормотал про технологии. Какая-то компания сократила половину сотрудников и удвоила прибыль; диктор произнёс это бодро, как спортивный результат. Отец потянулся и убавил звук. До конца, до нуля, до немой картинке.

Кружка с отбитой ручкой стояла на своём месте. Отец держал её за бок, двумя пальцами. Она держала тепло.

За окном темнота медленно становилась меньше. Каждое утро это случалось чуть раньше вчерашнего, и никто в городе этого не видел, потому что смотреть надо было отсюда, с этой табуретки, в это самое время.

ГЛАВА 2

«Лучшая версия»

2026–2027 год

Парень на экране держал стакан воды, за его спиной висела белая маркерная доска, и говорил он тем спокойным голосом, каким говорят люди, убеждённые, что несут важное. Большинство тратит жизнь впустую. Не из лени, это заблуждение, а оттого, что не умеет управлять временем. Время — единственный ресурс, который нельзя вернуть. Каждый час — выбор.

Адам лежал под одеялом со светящимся телефоном. Ему было тринадцать; экран после одиннадцати запрещался, но мать перестала заходить с проверками, и отец перестал, закрытая дверь в этом году стала уважаемой границей. На видео он попал по ссылке из другого видео, которое открыл из третьего: нажимаешь на одно и через полчаса обнаруживаешь себя в незнакомом месте, не помня дороги.

Он глянул на часы в углу экрана. Половина одиннадцатого. Открыл он первое видео в девять сорок. Первое было про людей, встающих в пять утра. Второе про утренние ритуалы успешных. Третье вот это, про время как ресурс.

Он погасил телефон и лежал в темноте. За окном шуршал мелкий осенний дождь, из тех, что не звучат, а присутствуют. На столе остывал стакан с недопитой водой, рядом лежала тетрадь с доделанной до последней строчки биологией.

Выходило, что пять утра — не отцовская причуда. Это метод. У метода есть название, есть сторонники, форумы, книги с объяснениями. Адам знал отцовское утро с детства, но никогда не думал о нём как о приёме, который можно взять и применить.

Утром он встал в шесть. На час раньше обычного, для пробы.

За окном стояла серость, первая ступень рассвета. Он умылся, сел за стол, открыл параграф по математике, который собирался делать вечером, и сделал его. Было шесть сорок пять. До школы оставалось полтора часа, и они лежали перед ним нетронутые, как снег во дворе до первых следов.

В квартире висела непривычная тишина: родители спали, а он нет. Всю жизнь первым не спал отец, и вот первым оказался он сам. Холодильник гудел на кухне. Этажом ниже кто-то уже ходил, глухие шаги сквозь перекрытие.

Адам взял телефон и нашёл форум, который называли в ролике. Там жили люди, встающие в пять. Они выкладывали отчёты: что успели за выигранные часы, как изменился сон, вес, оценки, доход. У некоторых были графики. У одного — таблица за три года, по неделям, с цветной разметкой. Адам провалился в чтение и опоздал бы в школу, если бы мать не постучала.

В школу он шёл с ощущением, которое позже научился узнавать сразу: так начинается длинная книга, которая тебе уже нравится.

Потом была «Сила привычки» с потрёпанным корешком, взятая из отцовского шкафа без спроса. Потом бесплатный курс с того же форума, восемь уроков по двадцать минут, вечерами в наушниках. Для заметок он завёл отдельную тетрадь, А5, с жёсткой обложкой и разделителями. На первой странице написал дату и три слова, показавшиеся главными: «система», «паттерн», «намеренность». Подумал и добавил четвёртое: «контроль».

Он начал записывать сон: во сколько лёг, во сколько встал, самочувствие по десятибалльной шкале. Потом еду, без граммов, тремя отметками: хорошо, нейтрально, плохо. Потом

настроение, раз в день, в одно и то же время. Потом энергию, отдельной колонкой, потому что она с настроением совпадала не всегда, и это несовпадение его зацепило.

Мать однажды открыла тетрадь, оставленную на кухне.

— Это что у тебя, дневник?

— Трекинг.

— Чего трекинг?

— Себя. Чтобы видеть паттерны.

Мать полистала, закрыла, выровняла тетрадь по краю стола.

— В моём детстве это называлось «дневник наблюдений за природой», — сказала она. —

Мы туда погоду записывали. Врала половину, конечно. Никто же не проверит, какая в четверг была облачность. — Она помолчала. — Ты-то хоть не врешь себе?

— Зачем мне врать в собственной таблице?

— Затем же, зачем всем, — сказала мать и пошла ставить чайник.

Отец, увидев тетрадь вечером, кивнул: похоже на то, что мы делаем с маршрутами, собираем данные, находим узкие места, оптимизируем. Адам решил считать это комплиментом.

К январю двадцать седьмого у него появилось настоящее расписание. Не «уроки в восемь, дома в три», а почасовое, с буферами между блоками. Он строил его воскресным вечером два часа: домашние задания по предметам отдельными блоками, чтение тридцать минут, «развитие» тридцать минут — туда входили форум, видео и новые идеи, физическая активность двадцать минут, сон с отклонением не больше четверти часа. Расписание переехало в приложение с форума; приложение слало уведомление перед каждым блоком, и от этих уведомлений день делался плотным и понятным, как хорошо собранный чемодан.

В школе он перестал отвлекаться. В каждый урок он теперь входил с задачей: записать главное, задать один вопрос, повторить вечером. Оценки пошли вверх, без рывка, ровно, как растёт то, за чем правильно ухаживают. Химичка спросила, что изменилось; он объяснил про систему; она сказала: молодец, главное не пережми. Адам вежливо кивнул и подумал, что она не понимает, как это устроено.

В марте в телефоне появился новый ассистент. Не встроенный, который умел будильник и погоду, а другой, из магазина приложений, о котором писал весь форум. Этому можно было описать задачу, и он предлагал, с чего начать. Можно было спросить про любой предмет, и он объяснял, а не вываливал ссылки. Можно было показать ему расписание.

Адам показал. «В твоём расписании блок чтения стоит после физической активности: эффективнее поменять их местами. Между средой и четвергом дублируется повторение по химии: освободившиеся двадцать минут можно отдать восстановлению». Адам поменял. Стало лучше. Он начал советоваться с ассистентом ежедневно: по химии, по истории, по слабым местам недели.

Однажды ночью он поймал себя на том, что спрашивает у ассистента, какую книгу читать следующей.

Он замер с телефоном в руке. Что-то в этом вопросе было не его; он сидел секунду, две, пытаясь поймать, что именно. Не поймал. Отправил. Ассистент предложил три варианта с обоснованием: с учётом прочитанного и того, что Адам хочет развить. Первый вариант выглядел разумно. Адам поставил его в список и лёг по расписанию, в одиннадцать.

Сон не шёл сорок минут. Мысли двигались без блоков и направления, цепляясь одна за другую, и это было неприятно, как шум в системе, которой он не управлял. Дыхание четыре-семь-восемь, вычитанное на форуме, не сработало. Уснул он в начале первого, а утром не внёс отклонение в тетрадь. Открыл, подержал ручку и закрыл.

Матиас жил в соседнем подъезде, и дружили они с первого класса, той дружбой, в которой не нужно объяснять зачем. Ходили в школу одной дорогой. Знали друг про друга вещи, о которых не говорят вслух. У Матиаса был старший брат с жёлтым мотоциклом, который не

ездил, но чинился каждые выходные, и коллекция значков от разехавшейся по миру родни. И была манера рассказывать истории: он начинал с детали, которая казалась случайной, и где-то на середине ты вдруг понимал, что она-то и есть главное, и смеялся раньше финала.

В апреле, в субботу, около трёх, Матиас постучал в дверь. Три удара, своих, узнаваемых. Адам открыл. Матиас стоял в куртке, руки в карманах, без рюкзака.

— Пойдём, — сказал он.

— Куда?

— Никуда. В этом и смысл. Идёшь, а тебе никуда не надо. Как пенсионер, только ноги не болят.

Адам оглянулся на телефон. В три часа стояло «развитие»: длинная статья про управление энергией, начатая в среду, отложенная на субботу.

— У меня запланировано.

— Что у тебя запланировано?

— Чтение.

Матиас не засмеялся и не обиделся. Он посмотрел на Адама так, как смотрел на брата, когда тот в десятый раз разбирал карбюратор: с интересом к чужому устройству.

— Иди читай, — сказал он легко и пошёл вниз, перепрыгивая через ступеньку.

Адам закрыл дверь, вернулся к столу и дочитал статью, делая пометки по своей схеме: главная мысль слева, вопрос справа, вывод снизу. В трекер легло: «статья прочитана, 47 минут». В пять часов — блок физической активности, двадцать минут прогулки.

Двор был пуст. Скамейки, качели, апрельская лужа на асфальте с бледным небом внутри. Адам обошёл двор по периметру расслабленным темпом, как предписывала методика, и вернулся ровно через двадцать минут.

Перед сном он вдруг подумал про Матиаса. «Пойдём. Никуда». Попробовал представить, куда бы они дошли: по улицам, мимо гаражей, может, в магазин без причины, может, сели бы на трубу за домом и говорили о ненужном. Картинка не складывалась: в ней не было цели, а воображение Адама уже разучилось рисовать без цели. Он закрыл глаза. По расписанию был сон.

Летом отец читал в кресле книгу не из своих. Адам определил это по мелочам: за столом отец читал рабочее, в кресле другое, и страницы в этой книге были заложены не закладкой, а загнутыми уголками, так он поступал только с тем, к чему возвращался.

— О чём она? — спросил Адам, остановившись рядом.

Отец оторвался с паузой, с какой выныривают из глубокого чтения.

— О том, что чувствуют люди, когда теряют работу. Не деньги. Саму работу. То, что делаешь каждый день.

— И что они чувствуют?

Отец поглядел на обложку, словно сверяясь.

— Много всего, — сказал он и опустил палец между страниц.

Адам дождался продолжения, не дождался и ушёл к себе: в расписании стоял блок.

Телевизор тем летом считал вслух: в этой отрасли автоматизация, в той сокращения, компания перевела на новую систему двести рабочих мест. Четыреста. Тысячу. Цифры сами по себе не пугали, цифры вообще не умеют пугать, пока за ними ничего не стоит. Пугали лица в коротких врезках: кто-то у проходной, сумки у ног, руки. Камера задерживалась на секунду и убегала к следующей теме раньше, чем лицо успевало стать человеком.

Мать иногда заходила к Адаму без дела. Садилась на край кровати, спрашивала какую-нибудь ерунду: что у вас по литературе, не жмут ли кроссовки. Получала короткие ответы, кивала, трогала его макушку и уходила. Он считал это проверкой: всё ли с ребёнком в порядке. Что она приходила к нему так же, как он в детстве приходил к отцовской кухне в пять утра,

побыть рядом с человеком, которого любишь и уже не вполне понимаешь, он сообразил через много лет, и от этой задним числом понятой симметрии ему долго было нехорошо.

В сентябре Адам перешёл в восьмой класс и добавил в расписание новый блок: «стратегическое мышление». Раз в неделю, по воскресеньям, сорок пять минут: сидеть и думать, туда ли движется всё остальное. Так делали успешные люди из статьи: не только исполнять план, но подниматься над ним.

В первое воскресенье он сел, включил таймер и обнаружил, что не знает, как думать о плане без конкретного вопроса. Мысль не запускалась. Через двадцать минут он открыл ассистента: какие вопросы задавать себе во время стратегической рефлексии? Ассистент выдал список из двенадцати, про цели, ценности, препятствия, горизонты. Адам письменно ответил на все, сохранил файл и закрыл блок с чувством выполненного.

В октябре отец не пришёл домой вовремя.

Адам заметил это не сразу: он сидел в блоке домашней работы, тригонометрия, и только слышал сквозь стену, как мать ходит из кухни в коридор и обратно. Шаги без дела звучат иначе, чем шаги с целью, это он умел различать уже тогда. Телефон она носила в руке, но не смотрела в него.

Отец пришёл около восьми, на полтора часа позже. Дверь открылась тихо, той осторожной тихостью, с которой открывают, когда не хотят, чтобы вышли навстречу. Шкаф. Вода из-под крана.

— Нас предупредили, — голос отца сквозь стену был ровным, тем ровным, каким сообщают давно принятое внутри. — Отдел переводят на автоматическую систему. К январю.

Тишина на кухне. Длинная.

— Мне предложат другую должность. Какую, пока не сказали.

— Понятно, — сказала мать. И после паузы, другим голосом, ниже: — Суп горячий ещё. Садись.

Адам сидел над тригонометрией с карандашом в руке и слушал, как звякает половник о тарелку. Потом дорешал уравнение, поужинал, мать подкладывала молча, отец ел и глядел куда-то в клеёнку. Лёг Адам по расписанию и уснул почти вовремя.

В половине третьего он проснулся без причины. Часы светились зелёным: 2:47. Под дверью его комнаты лежала тонкая жёлтая полоска. Кухня была напротив; когда там горела лампа при закрытой двери, полоска появлялась на этом месте, он знал это с детства, с тех времён, когда полоска означала праздник: родители не спят, у них гости, в доме смеются.

Сейчас за стеной не было ни голосов, ни телевизора. Один раз тихо стукнула о стол кружка. Больше ничего.

Адам лежал и глядел на полоску, пока она не погасла. Потом темнота стала сплошной, и он сказал себе: отец вставал попить воды. Или мать. Бывает. Новая должность — это даже интересно, может, лучше прежней.

Утром в расписании стояло воскресенье и блок «стратегическое мышление». Адам открыл приложение, подержал палец над экраном и стёр блок. На освободившееся место поставил тридцать минут чтения.

Расписание стало плотнее. Пустых клеток в нём больше не было.

ГЛАВА 3

«Правильная сторона истории»

2028–2030 год

На доске было написано крупно, во всю ширину: «ИИ заберёт вашу работу. Что вы собираетесь с этим делать?»

Класс загудел. Новый предмет назывался «Цифровая среда», час в неделю, кабинет на третьем этаже с большим окном, которое не закрывалось до конца, и оттуда всегда тянуло холодом. Учитель был молодой, в джинсах, без учебника; он ходил вдоль доски и говорил быстро, с удовольствием человека, который знает важное и рад делиться.

— Не вашу лично, — уточнил он, переждав гул. — Пока. Но к тридцатому году в мире исчезнет около ста миллионов рабочих мест. Это не катастрофа. Это возможность. Вопрос в том, кто ею воспользуется.

Адам записывал на этих уроках всё: какие профессии растут, какие падают, как устроены алгоритмы изнутри. Однажды учитель показал, как нейросеть пишет рабочий код, двадцать строк за три секунды, без единой ошибки, и спросил: кто из вас так умеет? Рук не поднялось ни одной.

— Через пять лет это будет как чтение, — сказал учитель. — Кто не умеет читать, тот не участвует.

Вечером Адам открыл курс программирования, скачанный три месяца назад, и начал с первого урока.

Отцу новую должность дали в феврале. Называлась она «координатор цифровых процессов», и отец объяснил за ужином: по сути то же, что раньше, только теперь он не управляет людьми, которые ведут маршруты, а следит за системой, которая ведёт их сама. Должность создали под таких, как он: чьи отделы закрыли, но кого жалко было терять совсем.

Он говорил ровно, как человек, принявший решение до разговора.

— Зарплата меньше, — добавил он с заминкой, с какой произносят необходимое и неприятное. — График тот же.

— Это хорошо? — спросил Адам.

Отец отломил хлеба и поглядел на него, на хлеб, не на сына.

— Это пока.

Мать молча переложила ему салата. Она всегда так делала, когда нечем было помочь словами: занимала руки. Отец не возразил.

Адам в тот же вечер поискал в сети: «координатор цифровых процессов», что за должность, есть ли спрос. Спрос был. Растущий сегмент, писали в статьях, переходный тип занятости для людей между старым миром и новым. Адам закрыл ноутбук успокоенный: отец на правильной стороне.

Зимой телевизор начал показывать очереди. Не репортажи о закрытых отделах, к ним привыкли, а очереди: длинные, уличные, к центрам переобучения, люди в куртках с папками документов в руках. Биржи труда с электронными талонами, как в поликлинике. Трёхмесячные программы новой специальности и осторожные сюжеты о том, помогают ли они.

Один сюжет Адам запомнил надолго. Мужчина лет пятидесяти, плотный, уса́тый, в сером пиджаке, купленном явно в другую эпоху его жизни. Бывший бухгалтер, тридцать лет стажа, переучился на оператора дронов-доставщиков. Говорил в камеру спокойно: программа хорошая, коллектив хороший, поначалу непривычно, потом ничего. Журналистка кивала. Уже прощаясь, он добавил без нажима, как добавляют последний пункт к списку:

— Тридцать лет с цифрами работал. Теперь вот.

И поглядел куда-то мимо камеры. Журналистка сказала «спасибо». Он кивнул.

Отец смотрел этот сюжет стоя, так и не сел. Потом ушёл на кухню, налил воды из-под крана и оставил стакан на столе нетронутым. Адам видел этот стакан, когда шёл спать: полный, ровный, посреди пустого стола.

Весной по «Цифровой среде» задали эссе: «Искусственный интеллект и будущее труда — угроза или возможность?» Две страницы, любые источники, две недели срока.

Адам написал за вечер. Мысли были готовы давно, оставалось расставить по порядку. История знает эти страхи, писал он: паровой двигатель, конвейер, персональный компьютер.

Каждый раз казалось, что работы станет меньше, и каждый раз её становилось больше, другой, лучше оплачиваемой, требующей головы, а не рук. ИИ освободит человека от механического и вернёт ему время для творчества и для других людей. Те, кто научится работать с новыми инструментами, окажутся на правильной стороне истории. Те, кто будет сопротивляться, проиграют, как проигрывали все, кто сопротивлялся прогрессу.

Перечитав, он поменял «возможно» на «несомненно» и «часть» на «многие»: так вышло точнее и увереннее.

Учительница поставила пять и написала на полях: «Зрелый взгляд. Возьмём в школьную газету?»

Эссе вышло в мае, на второй странице, под рубрикой «Голос поколения», с маленькой фотографией из личного дела. Одноклассники хлопали по плечу. Учитель «Цифровой среды» остановил в коридоре: думаешь правильно. Адам принёс домой три экземпляра: один в папку с документами, один на полку в кабинет, третий оставил на кухонном столе, не объясняя зачем.

Мать прочла эссе за чаем, при нём. Дочитав, она разглядела газету ладонью.

— Складно пишешь, — сказала она. — В деда. Тот тоже, как сядет письмо писать, так хоть в рамку вешай. — Она помолчала. — А эти, которые сопротивляются и проиграют. Это кто, например?

— Ну. Кто отказывается осваивать инструменты.

— А, — сказала мать. — Понятно.

И стала убирать чашки, и больше про эссе не говорила никогда.

Отец пришёл поздно, поужинал, взял газету со стола. Адам был у себя, дверь приоткрыта; он услышал, как на кухне сделалось тихо, и эта тишина продолжалась дольше, чем нужно, чтобы прочесть две колонки. Холодильник гудел. Стула не отодвигали.

Потом скрипнула дверь его комнаты. Отец стоял в проёме, держась рукой за косяк, с газетой, сложенной пополам. Глядел он не на Адама, а чуть мимо, в стену над полкой, туда, где взгляду можно остановиться, ничего не видя.

— Прочитал. Ты молодец. — Три секунды. — Наверное, ты прав.

Он положил газету на край стола, аккуратно, не смяв, и вышел.

Адам отвернулся к ноутбуку, нашёл место в уроке про вложенные условия, дочитал абзац и сохранил файл. Экран погас, и в чёрном стекле проступило его лицо, размытое, без подробностей. «Наверное, ты прав». Где-то он это уже слышал, слово в слово, и не мог вспомнить где. Вспомнил: кухня, пять утра, «это же ничего». Возможно, ты прав. Возможно, нет.

Тогда отец оставил себе вторую половину. Теперь не оставил.

Адам открыл крышку и сел за физику.

Летом отец начал работать меньше. Не по своей воле: система, которую он курировал, училась обходиться без него, и официально это называлось оптимизацией нагрузки. Он стал приходить на час раньше, потом на два, потом перестал ездить в офис по пятницам: всё делалось из дома, за кухонным столом, в той же рубашке, что и в офисе, он первое время одевался как на работу, потом перестал.

Адам начал замечать его по-новому. Раньше отец был человеком, который уходит и возвращается, утренняя константа и вечерняя. Теперь он был дома. Сидел в кресле с книгой. Чинил то, что годами ждало: поменял подтекающий кран, укрепил полку в кладовке, перебрал дверной замок, который заедал с прошлой зимы. Руки находили себе тихую работу, и в этой работе он был похож на себя прежнего больше, чем в кресле.

Книги он теперь брал в районной библиотеке, старой, с деревянными стеллажами и запахом пыли и клея. Приносил историю, философию. Один раз принёс тонкий сборник стихов без картинки на обложке и читал его за завтраком медленно, возвращаясь на ту же страницу.

— Папе сейчас непросто, — сказала мать Адаму, выбрав минуту, когда отца не было дома. — Ты же видишь?

— Вижу. Это переходный период. Он адаптируется.

Мать поглядела на него внимательно, дольше обычного.

— Адаптируется, — повторила она. — Слово-то какое. Из твоей газеты?

— Мам.

— Ничего, — сказала она. — Ничего.

Адам был уверен в своих словах. Отец умный, отец справлялся всегда; нужно время, чтобы найти, куда приложить себя в новом контексте. Иначе быть не могло. Иначе не работали аргументы из эссе, а аргументы были правильные: он проверял каждый.

Осенью двадцать девятого Адам проснулся в половине шестого сам, без причины, и привычно стал ждать: щелчок выключателя, шаги в носках, кофемашина.

Квартира молчала: один холодильник вёл свою низкую ноту, да батарея щёлкнула, остывая. Адам полежал, послушал, потом встал и прошёл по коридору. Кухня стояла тёмная, кофемашина была холодной на ощупь. На столе забытый с вечера стакан, табуретка задвинута, и стул отца у окна пустой, аккуратно пустой, как в гостях.

Он постоял в дверях, вернулся к себе, лёг и долго глядел в потолок. Наверное, устал, говорил он себе. Наверное, выходной себе устроил, имеет право.

Но это повторилось назавтра, и через день, и через неделю. Отец вставал теперь в восемь, к завтраку, вместе со всеми. Будильника за стеной больше не было. Адам не заметил, когда тот замолчал насовсем: сам он давно вставал по своему расписанию и слушал по утрам собственные уведомления.

По новостям в ту осень спорили эксперты. Безработица перевалила за двадцать процентов, такого не видели полвека; одни говорили: временно, рынок переварит, так бывало всегда. Другие: на этот раз иначе, машина забирает не рабочее место, а само умение, и трёхмесячные курсы тут не лечат. Отец смотрел эти споры с непроницаемым лицом и иногда вставал и уходил посреди фразы, без комментария, на кухню или в кабинет.

Его должность к зиме ужалась до полставки. Формально он работал: числился, получал, заходил в систему. Система в нём не нуждалась: она следила за собой сама.

Однажды вечером Адам снял наушники, потому что за стеной изменилась тишина.

— Может, поискать что-то другое? — голос матери, тихий. — Не обязательно по специальности. Что-нибудь.

Пауза.

— Что именно?

Мать не ответила. Зашумела вода, звякнула посуда.

— Я думаю, — сказал отец. Не как человек, который начал думать. Как человек, который думает давно и ответа не находит.

Адам надел наушники. В блоке стояло программирование, рекурсия, и рекурсия была понятнее того, что происходило за стеной: функция, которая вызывает саму себя, пока не дойдёт до условия выхода. Он сделал урок до конца.

В начале тридцатого Адаму исполнилось семнадцать. Учился он лучше всех в параллели: к школьной программе добавились курсы по аналитике данных и машинному обучению, самые устойчивые направления десятилетия, если верить обзорам, а он верил, потому что проверял источники. Ассистент помогал распределять нагрузку: что учить на этой неделе, где пробелы, что укрепить. Прогресс шёл по графику.

Матиас бросил дополнительные курсы ещё осенью.

— Смысла нет, — сказал он на обратной дороге из школы, по которой они ходили с первого класса. — Что я выучу, оно сделает лучше. Быстрее и бесплатно. Это как соревноваться с лифтом, кто раньше на девятый этаж.

— Ты не с ним соревнуешься. Важно, как ты думаешь вместе с инструментом.

— Угу. — Матиас пнул камешек, проводил его взглядом. — Слушай, а ты вообще бываешь как все люди? Ну, сидишь и ничего. Не учишься, не планируешь. Сидишь и в окно глядишь.

— У меня есть блок на отдых.

Матиас остановился. Поглядел на Адама с весёлым изумлением, как глядел на чужие невероятные устройства, и Адам приготовился к истории, к смеху, к чему-нибудь матиасовскому.

— Блок на отдых, — повторил Матиас с удовольствием, пробуя слова на вкус. — Это надо брату рассказать. Он скажет: вот люди живут.

И свернул в свой подъезд, не попрощавшись, как сворачивал тысячу раз; прощаться им никогда не было нужно.

Адам дошёл до своего, поднялся в новом бесшумном лифте. В прихожей пахло ужином, из кухни падал свет.

Отец сидел за столом без ноутбука, без книги, без телефона. Перед ним стояла кружка с отбитой ручкой; он держал её обеими руками, за бока, и глядел в окно, где не было ничего, кроме фонаря и размытых окон дома напротив.

— Привет, — сказал Адам.

— Привет, — сказал отец окну.

Адам прошёл к себе, повесил рюкзак, открыл расписание. Следующий блок: программирование, сорок пять минут. Он надел наушники и успел подумать, что чай отец, наверное, давно допил, а кружку всё держит.

Руки греет. В тёплой-то кухне.

ГЛАВА 4

«Блог»

2031–2033 год

Блог вырос из чужой ошибки. Адам наткнулся на статью, где автор неверно описывал связку ассистента с планировщиком, и не смог пройти мимо: неточность там, где возможна точность, ощущалась почти физически, как камешек в ботинке. Он написал длинный комментарий, разложил по пунктам, как правильно, и лёг спать.

Утром под комментарием стояло сто сорок лайков и пять вопросов. Кто-то спросил: а почему у тебя нет своего блога?

Он думал над этим несколько дней, дольше, чем стоила такая очевидная мысль. Потом за один вечер создал страницу и придумал название: «Стань лучшей версией себя с помощью технологий».

Ему было восемнадцать, и он не сомневался ни в одном слове этого названия.

Первый пост набрал триста просмотров, второй семьсот. К концу месяца была тысяча подписчиков, через три — пять тысяч. Адам писал два-три раза в неделю: инструменты, системы, организация времени. Конкретно, с примерами, без разгона на полстраницы. Иначе он не умел: вода в тексте раздражала его, как ошибка в коде. Читатели писали в комментариях «наконец-то без воды» и «наш человек», и он отвечал каждому.

Тридцать первый год был трудным не для него. Для остальных.

Безработица дошла до двадцати пяти процентов. Словосочетание «Великое Вытеснение» перекочевало из академических статей в газеты, а оттуда в разговоры у подъезда, как переходят все слова для того, что уже давно происходит. Государство запустило УВИ, базовый доход: пилотный, в нескольких регионах, с небольшими суммами. Эксперты спорили с азартом людей, которым не нужно пробовать, чтобы знать. Одни: поддержка в переходный период. Другие:

убьёт мотивацию. Третьи, самые тихие, спрашивали: мотивацию к чему, если работы больше нет?

Уведомление отцу пришло в марте.

Адам готовился к экзамену по статистике, когда услышал входную дверь. Был час дня. Он вышел из комнаты; отец разувался в прихожей, медленно, как разуваются люди, которым некуда торопиться. Куртка на крючок. Ключи в вазочку. На кухне он сел и положил телефон перед собой экраном вверх.

Адам налил себе воды, чтобы был повод стоять рядом. На экране светилось что-то официальное: шрифт, номер, дата.

— Всё нормально?

Отец поднял на него глаза. Взгляд был прямой и тихий, без паники, без обиды, и от этой тишины делалось хуже, чем от любого крика.

— Да. Иди занимайся.

Текст уведомления Адам узнал позже от матери. Должность «координатор цифровых процессов» упраздняется: система перешла в полностью автономный режим, участие человека в мониторинге избыточно. Выходное пособие за три месяца. Список курсов переквалификации прилагается.

На курсы отец не записался. Мать спрашивала, он отвечал: думаю. Потом: скоро. Потом перестал отвечать, и она перестала спрашивать. Один раз летом Адам увидел его ноутбук с открытой вкладкой: курс по управлению проектами, пройден первый урок из сорока. Вкладка висела там неделю, потом исчезла.

Тем же летом Адам поступил в университет, на анализ данных. Конкурс туда за три года вырос вчетверо: все хотели туда, куда не дотягивалась автоматизация, или туда, где с ней работали в паре, и граница между первым и вторым ползла каждый год в сторону второго.

Собирал его в дорогу весь дом. Отец молча проверил замки на чемодане, подтянул разболтавшуюся ручку: руки сами нашли, что сделать. Мать ходила между шкафом и столом, и стопка нужного росла быстрее, чем Адам успевал возражать.

Уже у двери она принесла с кухни свёрток в полотенце и вложила ему в руки. Внутри оказалась турка, медная, маленькая, темноватая от лет; на ручке была туго намотана бечёвка.

— Зачем? В общежитии плиты нет.

— Будет плита, — сказала мать. — Не вечно же тебе в общежитии жить.

— Я кофе в кофейне беру. Или капсулы.

— Вот когда капсулы кончатся, а думать надо, тогда и вспомнишь. — Она завернула турку обратно. — Верёвку не разматывай, ручка греется. Я намотала, чтоб держать можно было.

Турка уехала на дно чемодана и пролежала там до третьего курса, когда появилась съёмная квартира с плитой. В ночи перед зачётами он варил в ней кофе, на глаз, без пропорций, и запах стоял по всей кухне, густой, чуть горелый снизу, ни на что не похожий.

Первый учебный год нёс его, как эскалатор. Лекции, задания, комната в общежитии с окном на север, тихая и своя. Расписание он собрал в первые же выходные, и ассистент, всё тот же, живший в его телефоне с восьмого класса и заметно поумневший за эти годы, правил слабые места: тут буфер мал, тут блоки дублируются. Блог рос. Адам завёл правило писать по утрам, первые два часа, на свежую голову.

КУРАТОР появился на рынке в тридцать втором. Запуск был громким: реклама на всех платформах, статьи, очередь предзаказов. Обещали не ассистента, который отвечает на вопросы, а систему, которая ведёт: наблюдает за тобой как за целым, замечает закономерности, перестраивает среду. Адам скачал в первый день и неделю тестировал на себе.

Это было другое, он понял быстро. Ассистент ждал вопроса. КУРАТОР не ждал: три ночи плохого сна, и вечерний блок перестроен; буксуешь на задаче, и она уже разбита на подзадачи с

промежуточными точками. Старый ассистент предложил перенести данные в новый профиль, Адам согласился, и переход прошёл так гладко, что через месяц он не смог бы сказать, где кончился один и начался другой.

Через две недели он опубликовал пост: «КУРАТОР: это не замена человеку. Это учитель». Сто тысяч просмотров за три дня.

Комментарии пришли разные. Восторженных было больше: «наконец-то честно», «поставил после прочтения». Но были и другие. «Ещё один евангелист корпораций». «Ты понимаешь, что это слежка?» «Люди теряют работу, а ты рекламируешь то, что их заменяет». «Сколько тебе заплатили?»

Адам читал все до конца и на некоторые отвечал: ровно, с аргументами, не опускаясь до тона оппонента. Злость он на свой счёт не принимал. Люди напуганы; страх делает несправедливым; это пройдёт, когда они увидят пользу. Он верил в каждое слово, которое писал. Это потом окажется важным: он действительно верил.

Осенью на улицы вышли протесты, и они озадачили его сильнее любых комментариев. Люди выходили не за деньги: УВІ к тому времени расширили, суммы стали приличными, материальный вопрос для большинства закрылся. Лозунги были другие. «Я хочу быть нужным». «Верните мне право ошибаться». «Смысл — не роскошь». «Мы не лишние».

Движение назвали «За смысл». Социологи объясняли: люди потеряли не доход, а идентичность, которая строилась через дело; базовый доход закрыл желудок и не достал до того места, где живёт «зачем». Адам читал эти колонки с интересом, находил логику стройной и думал: переходный кризис. Научатся жить по-новому. Всегда учились.

В ноябре он работал над постом в кафе у университета: столик у окна, наушники с шумоподавлением, тема про управление вниманием в эпоху информационного шума.

По улице за стеклом пошла колонна. Человек двести, и шли они молча, что для протеста было странно: ни мегафонов, ни кричалок, только шаги и шорох курток. Плакаты были рисованные, от руки. Ближний к окну читался целиком: «Мы не лишние», крупно, чуть неровно, с подтёком на последней букве.

Сосед за столиком, парень с ноутбуком, глянул вверх экрана.

— Боятся перемен, — сказал он никому. — Их можно понять.

Адам кивнул и вернулся к тексту. Когда он снова поднял глаза, улица была пустой, только дождь продолжал свою мелкую осеннюю работу. Он дописал раздел, перечитал и добавил финальную фразу: «Те, кто сопротивляется инструменту, проигрывают не инструменту. Они проигрывают времени».

Нажал «опубликовать». Допил остывший кофе и вышел в дождь.

На зимние каникулы он приехал домой. Мать обняла в коридоре, отстранила на вытянутые руки:

— Худой. Вы там едите вообще или лекциями питаетесь?

— Ем, мам.

— Вижу я, как ты ешь.

Отец вышел из кабинета и пожал руку: рукопожатие у них завелось с четырнадцати лет, вместо объятий, и в нём не было холода, только форма. За ужином говорили про университет, преподавателей, планы. Адам рассказывал про блог: тридцать восемь тысяч подписчиков, первые рекламодатели, публикация в отраслевом журнале. Мать слушала и кивала с лицом человека, который хочет понять и понимает через слово.

— Ты пишешь про КУРАТОРА, — сказал отец, не поднимая глаз от тарелки.

— И про него тоже.

— Мы с мамой не стали ставить.

— Почему?

Отец посмотрел не на Адама, на мать. Пауза легла на стол вместе с её половником.

— Потому что я хочу сама решать, — сказала мать. Спокойно, как говорят давно решённое. — Что варить, когда спать, кого любить. Сама. Даже если ошибусь. — Она разлила суп и добавила, уже легче: — Я и ошибаться люблю. У меня это выходит душевно.

Адам открыл рот. Ответ был готов, отшлифованный десятками комментариев: КУРАТОР не решает за человека, он помогает решать, это принципиально разные вещи. Слова лежали наготове, как инструменты на верстаке.

Он их не взял. Стало ясно, непонятно откуда, что разговор не про КУРАТОРа, и если он сейчас начнёт про «усилитель, а не замену», то попадёт мимо всего.

— Понятно, — сказал он.

После ужина он мыл посуду и увидел на подоконнике, под старым календарём, школьную газету. Ту самую, трёхлетней давности, с его эссе: пожелтевшую по краям, с загнутым углом. Кто-то её не выбросил. Кто-то переложил её с кухонного стола сюда, под календарь, где хранилось то, что в этом доме хранили без объяснений: гарантийные талоны, рецепты от руки, его грамота за олимпиаду.

Он разгладил угол и положил газету обратно.

В январе тридцать третьего он написал пост, который потом называли поворотным. Страх перед ИИ, писал Адам, это страх перед зеркалом. Человек боится не машины: он боится обнаружить, что большая часть его работы была механической, воспроизводимой, незаменимой только в его собственном воображении. Настоящий вопрос не «заменит ли он меня», а «что во мне останется, если вычесть всё механическое».

Пост разошёлся широко: цитаты в статьях, споры на конференциях, переводы. Пришли длинные письма, благодарные и яростные, он читал и те и другие. Написала компания, внедрявшая ИИ в корпорации: им нужен человек, умеющий говорить об этом понятно. Потом вторая. Потом третья.

Он заканчивал университет, и блог становился профессией. КУРАТОР планировал публикации, отслеживал охваты, подсказывал темы по трендам. Адам работал шесть часов в день и успевал больше, чем раньше за десять. Вот как это должно работать, думал он. Вот оно, в действии, на мне самом.

Весной, перед самым выпуском, он приехал домой на выходные. Отец сидел в кресле с книгой про древние цивилизации; на столике рядом остывал кофе в кружке с отбитой ручкой. Адам сел в кресло напротив, которое в семье звали гостевым, хотя гостей в нём не помнили.

— Как ты, пап?

— Нормально. — Отец заложил страницу пальцем. — Консультирую помаленьку. Небольшие конторы, которые не хотят полностью на автоматику. Им нужен тот, кто помнит, как старая система устроена изнутри.

— Много таких контор?

Отец помолчал.

— Становится меньше.

За окном стоял конец марта, холодный и светлый, с тем особым освещением, которое обещает тепло раньше, чем оно приходит. Кружка дымилась между ними. Отец держал её за бок, двумя пальцами, поверх отбитого края, как держал всю Адамову жизнь.

— Пап. Попробуй КУРАТОРа. Не для работы, для себя: режим, сон, прогулки. Он правда помогает, я же на себе...

— Нет.

Тихо и сразу, без зазора между вопросом и ответом. Так отвечают не на предложение, а на давно закрытый внутренний вопрос.

Адам кивнул. Они посидели ещё; отец открыл книгу; за окном на тополе набухали почки, различимые, только если нарочно присматриваться.

В электричке, час до города, Адам открыл ноутбук. Статистика недели: охваты ровные, вовлечённость растёт. Три новых комментария, два по делу.

КУРАТОР мигнул уведомлением: предложена тема следующего поста.

«Почему люди сопротивляются инструментам, которые им помогают».

За окном плыли пригороды, серые, в остатках снега. Адам перечитал строчку. Подумал про отца с его «нет», про мать с её правом на ошибку, про молчаливую колонну за стеклом кафе.

Сохранил тему в заметки. Хорошая.

ГЛАВА 5

«Роль»

2034 год

Отправитель: ПРОТОКОЛ. Тема: «Приглашение к оценке».

Телефон завибрировал дважды с интервалом в три секунды, сигнал второго уровня, и Адам дописал предложение, поставил точку и только потом взял трубку. Он как раз работал над абзацем про то, как КУРАТОР научился различать контекст: когда ты в потоке, когда выдыхаешь, когда сам ещё не знаешь, чего хочешь. Абзац шёл хорошо, плотно.

Письмо оказалось коротким, без обращения, техническим. Ему предлагали пройти профессиональную оценку на позицию «Оператор данных, класс А, подразделение Архив-7». Дата, адрес, продолжительность три часа. Внизу мелким шрифтом, ровным, не извиняющимся: участие добровольное, но рекомендуется.

Адам встал, прошёлся до окна и обратно, перечитал.

ПРОТОКОЛ запустили год назад, и Адам писал о нём дважды. Называл прорывом и ответом на хаос Вытеснения: когда старые слова — работа, профессия, карьера — перестали описывать реальность, понадобилась другая рамка, и ПРОТОКОЛ её дал. Не работу, а Роль: позицию в общей структуре, рассчитанную по совокупности твоих данных. Ты не ищешь место. Место находит тебя.

Теперь место нашло его самого.

Он напечатал одно слово: «Подтверждаю». КУРАТОР тут же внёс дату в календарь и предложил подготовительный блок: обзор деятельности Архива-7, публичный регламент оценки, рекомендации по режиму накануне. Адам принял всё, вернулся к черновику и дописал абзац за пятнадцать минут.

Офис оценки стоял в деловом квартале: стекло и бетон, здание из тех, что выглядят новыми и одновременно всегда здесь стоявшими. Адам приехал на семь минут раньше и постоял у входа, разглядывая фасад под белёсым февральским небом.

В лобби пахло ничем. Не химией, не деревом, а тщательно кондиционированным отсутствием запаха, как в дорогой гостинице. Женщина в сером назвала имя, которое Адам не удержал в памяти, и повела его по коридору мимо одинаковых дверей без табличек. Пол гасил шаги.

Комната была квадратной: стол, два кресла, стакан воды, уже налитый. Свет шёл отовсюду и ниоткуда, без теней. На краю стола лежал планшет экраном вниз.

— Начинайте, когда будете готовы, — сказала женщина. — В пределах трёх часов. Отвечайте так, как отвечаете, а не так, как кажется правильным.

Дверь закрылась за ней мягко, без щелчка.

Адам сел, отпил воды, комнатной, без вкуса. Ладони были чуть влажными, и это его удивило: волнения он в себе не находил. Он перевернул планшет и нажал «Начать оценку».

Вопросы выходили по одному, с паузой на вдох. Часть была понятной: профессиональные компетенции, логика, скорость на неоднозначных кейсах. Часть — другой породы.

«Если система принимает решение, с которым вы не согласны, ваши действия?» Он выбрал: уточнить параметры, при необходимости задействовать протокол разногласий. Разногласие — не отказ, а уточнение.

«Опишите ситуацию, когда вы изменили мнение под влиянием данных». Он написал про блог: аналитика показала, что личные истории держат внимание дольше теории, и он перестроил подачу. С числами.

«Что для вас значит доверие к системе?» Здесь он писал долго и с удовольствием. Доверие строится на прозрачности и опыте; он доверяет КУРАТОРУ, потому что видит результаты, а не потому что велено; слепое доверие — не доверие, а отказ от мышления. Перечитал и остался доволен собой.

Потом пришёл вопрос, к которому он возвращался годы спустя, не понимая, почему именно к нему.

«Вам предстоит работать с данными о людях, которые могут не знать, что эти данные используются при принятии решений об их жизни. Что вы об этом думаете?»

Адам перечитал. За узким окном лежал внутренний двор, пустой, под белым небом. Он написал: это стандартная практика любой системы управления; важно, чтобы данные работали в интересах людей; защита — вопрос архитектуры, а не намерений. Я доверяю архитектуре ПРОТОКОЛА.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.